

В истории русской культуры есть один существенный пробел. Мы, самая читающая нация современности, почти не знаем, как читали наши предки. Ответ на этот вопрос могут дать сами книги — те памятки, которые оставили на них прежние владельцы и читатели.

Каждая крупная библиотека обычно специально учитывает книги с автографами знаменитостей, но остальными надписями на книгах, как правило, не интересуется, проходя таким образом мимо ценнейшего в историко-культурном отношении материала. При библиотеке Государственного исторического музея уже с 1923 г. началась каталогизация экслибрисов, печатей и всех надписей на книгах, за исключением явной «пробы пера». Эта работа продолжается и после перехода библиотеки в основанную в 1938 г. Государственную публичную историческую библиотеку.

В отделе редкой книги собрано около 7000 томов с надписями как соиздателей книги (авторов, издателей и переводчиков), так и ее владельцев и читателей. Среди авторов надписей представлены все возрасты — от стариков, «благословляющих» книгой потомков, до озорных школьников; все ранги — от полководца Багратиона до офицерского денщика, и все сословия старой России. Не удалось пока найти только памяток крепостных фабричных и заводских рабочих.

Книжные надписи или имеют отношение к книге, как таковой (большинство), или не имеют. Если на книге фигурируют рецепты ваксы или последовательные горестные записи отданных в заклад ложек, оконных занавесок и шпор, то это довольно убедительное свидетельство малого уважения к ней владельца, а также и того, что она, видимо, пребывала у него в единственном числе, ибо среди многих книг нужную запись не скоро найдешь.

Надписи, связанные с книгой, говорят или о ней, ее соиздании и судьбе, об оценке ее читателем или о самом владельце и читателе (простейший и самый распространенный вид: «сия книга принадлежит такому-то»). Но деление это очень условно. Как оценка содержания иногда более характеризует читателя, чем книгу, так и книга характеризует своего читателя. Последнее, правда, предполагает возможность выбора, а такой возможности как раз и не могло быть у той группы книговладельцев, о которой будет идти речь.

Особенно ценны крестьянские надписи. Всего выявлено более двух десятков книг, несомненно принадлежавших крестьянам. Среди них 7 старопечатных изданий XVII и XVIII вв., 6 лубков. Остальное — книги XVIII и XIX вв., очень разные по содержанию. Надписи не всегда датированы, но, по-видимому, все относятся к XIX в., а самая ранняя — к 1824 г.

Начнем с книги, владельцы которой очень отдалены по времени от авторов других крестьянских надписей.

Лазарь Баранович. Меч духовный (Киев, 1666). Скрепа: «Сия книга глаголима мяч духовный еже есть из глагол божих... дворовая слобода хрестьянина Афанасия Макеева сына Гибалина и сына ево... попа Ивана Афанасьева что на владычных гробех, а подписал я, поп Иван Афанасьев своею рукою лета 7198 (1690) году месяца Октября в день¹; История о Иосифе Прекрасном (М., 1820—1830 гг.) «Сия тетрадь принадлежит в селе Дмитровском крестьянину Афанасию Никифорову, что точно его собственная и подписал дьячков сын Алек-

¹ Надписи приведены с сохранением орфографии, за исключением воспроизведения буквы «ять», «и» десятиричного и «ъ» в конце слов.

сей»; Сказка полная о... Бове Королевиче. [М.], 1839. «Сия книга ученика Михаила Скородумова досталась ему после крестьянина деревни Шутово покойного Артемия Иванова. Отдали так только в помин его. А купил он ее в городе Балахне незадолго до смерти...».

Единственная надпись, в которой отмечается особое положение ее автора (староста), находится на старопечатном Прологе 1791 г. «Сия книга деревни Шилковой старосты крестьянин Семен Караваев 1824 года, февраля 22 дня».

Одиннадцать надписей хранит на себе книга Басни Крылова. (Спб., 1819). Все они — государственных крестьян. Наиболее интересна скрепа: «Книга басни Крылова в шести частях села Лома крестьянина Василия Никанорова господина Бровкина куплена в Новгороде Нижнем и цена не менее назначенного мною... на его собственные труды в 1842-м году. По смерти его Бровкина никому чтобы дела не было кроме его Бровкина племянника Гаврила Алексеева господина Барсукова. Василий Никаноров господин Бровкин своеручно подписал и руку приложил 1853-го году». Далее скрепа продолжена более неровным почерком: «А по смерть мою принадлежит Гаврилу Алексею Орлову. Кроме его чтоб никто не смел в ступати потписал Василий Никаноров Бровкин руку приложил». Эта книга настолько ценилась, что на ней даже есть завещательная надпись.

Государственным же крестьянам принадлежали книги: Пролог. Июнь-Август. (М., 1642). «Сей Пролог Великорецкаго оброчнаго стана Погорельской волости крестьянина Аристарха Крутикова. Писал своею рукою»; Уложение... М., 1649. «Принадлежит государственному крестьянину села Шашина Семену Иванову сыну 1861 г. августа 1»; Сказка полная о... Бове Королевиче (М., б. г.). «Московской губернии Дмитровскаго округа Калеевской волости 1-го Покровскаго общества крестьянин Андрей Артемов руку приложил». «1838». На лубочном Житии остроумного Езопа «из книг крестьянина Еремея Митяшина» есть ряд записей 1844—1847 гг. о ледоставах и ледоходах на реке Вычегде. Так далеко на север помещицы имения не заходили. Вероятно, и это помета государственного крестьянина.

Крепостными написаны книги: Самуил, митрополит. Краткое историческое описание Киево-Печерския лавры (Киев, 1805). «Сия книга села Диева-Городище Еленскаго прихода вотчины господина Ивана Сергеича Власьева крестьянина Василия Андреича Лукова»; Пулэн де Ножан. Анекдоты любопытные о любви супружеской. Перев. с франц. (М., 1790). «1860 года. Сия книга принадлежит Тверской губернии Кашинскаго уезда Госпожи Пятовой крестьянину Иосифу Устимову сыну Пушкину Ноября 5 дня»; Лепилер д'Аплиньи. Пустынник на горе, или приключения маркизы Лаузанны и графа Луция. (Спб., 1787). «Сия книга принолжит крестянину Гавриле Афонасьеву Крылову Тульской губернии Каширскаго уезда Богатищевской волости села Яковскаго бывшой дворовой человек Гаврилу Крылову». На Служебнике 1655 г. надпись бывших крепостных: «1864 года Марата Сий мясеслов принадлежит деревни варьвариной Времянно обязанным кресьянам Дворецьковым».

В остальных надписях нет указаний на принадлежность их авторов к определенному разряду крестьян. Часть их относится уже к пореформенному времени. Две книги принадлежали одному владельцу: Иннокентий Гизель. Синописис или краткое описание от различных летописцев о начале славенского народа.. 7-е изд., Спб., 1774. «Из книг кресьянина Ивана Алексеева»; Полевая карманная книжка руководствующая молодых воинов служащих в армии... пер. с нем. яз., Спб., 1795. «Сия книга принадлежить Ивану Алексееву».

Четыре книги религиозного содержания — две XVIII в., остальные 1871 и 1880 гг., имеют одинаковую надпись: «принадлежит крестьянину Ярославской губернии Даниловского уезда, Еляковской волости деревни Большого Кузьмина Ивану Андрееву Смирнову».

На Начальных основаниях алгебры (без титульного листа) надписи одним почерком: «Сия книга Пренадлежит крестьянину Саввинской слободы Василию Калмыкову». «1893 г. Авг. 7. в 8 ч. вечера. Дождь нинасье». И дважды: «Похвалю сию книгу».

Целый ряд надписей принадлежит оброчным крестьянам, в какой-то степени оторвавшимся от землепашества, и дворовым людям. Этим последним легче было научиться грамоте, достать книжки для чтения. Не случайно, что самая ранняя из имеющихся у нас датированных крестьянских надписей относится к 1824 г., а среди надписей дворовых есть одна от 1769 г. И в Московских и в Санктпетербургских «Ведомостях» XVIII в. не редкость объявления о продаже грамотных лакеев, поваров, музыкантов и мастеровых всякого рода.

До сих пор, когда нам встречалась книга с несколькими надписями, они оказывались однородными: книга, как правило, бытовала, переходила из рук в руки в среде купечества, мещанства, или в крестьянской среде. Теперь можно наблюдать и перемещение книги из княжеских палат к дворовому человеку: Аббата Беллегарда Совершенное воспитание детей, содержащее правила о благопристойном поведении молодых знатного рода и шляхетного достоинства людей... (Спб., 1759). «Ея Сиятельству княжне Екатерине Семеновне Волконской. Богомолец ея сиятельства благословил сею нравоучительною книшкою Синодалного дому ризничей иеромонах Гавриил в день тезоименитства ея 1772 года ноября 24 д.». «Из книг библиотеки Василья Лабанова». «Из книг Его Сиятельства графа Алексея Гавриловича Головкина слугителя Василья Семенова сына Лабанова». «1800 года... майа 12 дня суббота». Другой случай: Живописец. Еженедельное на 1772 год сочинение (изд. 2-е, Спб., 1773). «Подарок учиненный 1774 майа 21 дня Ник. Ив. Новикова Л. И. Соколовой в С.П.бурге». «Поступила к комиссару рязанской консистории Климову 1851-го года марта 21 дня Петухова. Получил». «Сия книга пренадлежит Г-жи Дубовицкой Дворовому человеку Висарьону Петухову». Интересен факт поднесения Новиковым своего издания некой Соколовой (первый инициал латинское L, второй русское не то И, не то Н). Не ясно, почему дворовый человек Висарьон Петухов имел дело с консисторией. Может быть книга передавалась по духовному завещанию.

Самая ранняя из надписей дворовых — скрепа на старопечатном Акафисте св. великомученице Варваре (Чернигов, 1749). «Сия книга... дому вдовы маэорши Татьяны Ивановны Кологриновой слугителя ея Игнатъя Васильева сына Метлухина куплена 1769 году февраля в 25 дня в Москве и подписал я Игнатей своею рукою, а кто сию книгу украдет или зачитает, тот человек будет судим богом в будущем веце. Аминь». Перед нами старинная, прежде весьма употребительная форма охранной надписи, грозящая заgrabной карой возможному присвоителю, иногда сопровождаемая воззванием о помощи к кому-нибудь из чинов небесной иерархии. В XVIII в. она уже устарела. Книга перестала быть такой большой материальной ценностью, а главное, утратилось представление о ней как о чем-то, почти обязательно связанном с религией. На стражу к «Ваньке Каину» небесные силы привлекать было не совсем удобно.

Неожиданной для владельцев данной категории кажется одна из книг, изданная в Москве без указания года, — каталог продающейся коллекции картин западных мастеров. Но в конце титульного листа читаем, что этот каталог «любителю безденежно получить могут». Мы не знаем, был ли любителем картин крепостной человек, написав-

ший на этой книге: «Сия тетрадь принадлежит дому господина полковника Алексея Дмитриевича Березникова служителю ево Ивану Иванову сыну Чехрову», но, должно быть, он тянулся к книге и дорожил и таким «безденежным» приобретением. На лубочном Житии славного баснотворца Езопа надпись: «Сию книгу дарю Казанской губернии Спасакого уезда села Студенцы г. Гине дворовому Сергею Змиуланову. Порутчик Иван Аристов». Карманную псалтирь Августина Блаженного издания 1786 г. надписали три представителя одной фамилии. Один из них оставил нам и сведения о себе: «Московской домовый канторы писаря Ивана Пустарнакова 1809 года». А Карп Пустарнаков написал: «Сия книга принадлежит тому кто только может оную хорошо читать и порядочно понимать».

И, наконец, последние две книги, выполнявшие у своих владельцев функции записной книжки. Зерцало жизни истинного ученика Христова (М., 1816). Пустые страницы в начале и в конце книги заполнены полустертыми карандашными записями, одним почерком: «Сия книшка принадлежит крипасному чилавеку Гаспажи Екатерини Львовни Засецкой, урожденной Варацагиной (Верещагиной?) Илье Степанову Винакурову. Синтибря 3-го дня 1853 года». Дальше полное меню барского обеда и «Синтибря 20-го дня 1853-года в воскресенье поступил на службу...». «Дикобря 1 дня 1853 года жалованье получил 60 рублей ассигнац. за два месяца...» и т. д.—о следующих получках. Очевидно, это оброчник, работавший поваром. Не столь ясно положение владельца второй книги: Досуги или собрание сочинений и переводов М. Попова, ч. 1. (СПб., 1772). «Сия книга деревни Носова кресианина Иона Петровича живописца Рыкова. «Дальше идет счет: «У Клеценбау. Штоф вина 280 ко. 3 пары чаю — 60 ко...» и т. д. «Сочлись 1 октября должин астаюсь 87 ру. 50. Всего забору денег 466 ру. 50 копеек ассигнациями». Этот крестьянин-живописец, вероятно, уже не крестьянствовал, а жил и должен в городе. Но был ли он крепостным — сказать трудно.

На всех книгах, за исключением двух, владельцы-крестьяне писали сами. Это доказывает прежде всего наличие грамотности в крестьянской среде и в дореформенное время. Очевидно также, что книги использовались по назначению, а не были только ценной частью имущества².

Приведенные надписи свидетельствуют, что собирание и изучение их может дать исследователям интересный материал для истории русской культуры.

² В научной литературе до сих пор еще, к сожалению, бытует утверждение о сплошной неграмотности крестьян XVIII — первой половины XIX в. (критику этого положения см. в статье С. С. Дмитриева в журн. «Вопросы архивоведения», 1962, № 2, стр. 108—114).

